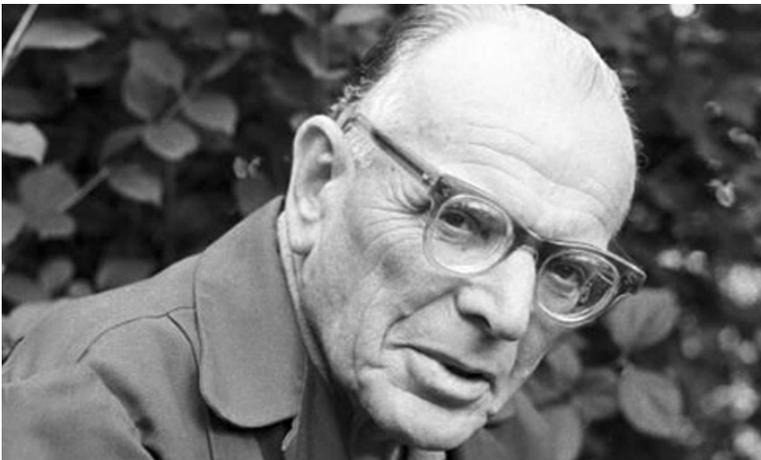

ПАУСТОВСКИЙ В ПАМЯТИ ОДЕССЫ

Юрий Ющенко

В уходящем 2017 году исполнилось 125 лет со дня рождения Константина Георгиевича Паустовского. В наступающем 2018-м исполняется 60 лет с момента создания его автобиографической повести «Время больших ожиданий», ставшей культовой книгой для нескольких поколений одесситов.

С Одессой связан целый ряд громких литературных имен, но два литературных гения на букву П — Пушкин и Паустовский — занимают в этом ряду особое место. И Пушкин, и Паустовский, не будучи одесситами по происхождению и прожив в нашем городе лишь непродолжительные отрезки своей жизни, сумели стать для Одессы стопроцентно своими. Здесь им установлены памятники, в их честь названы улицы и библиотеки, созданы их музеи-квартиры. К слову, в Одессе нет отдельных музеев Бабеля, Олеси, Катаева, Багрицкого, Ильфа и Петрова — коренных уроженцев этого города. Равно как нет и отдельных музеев Чехова, Куприна, Горького, Бунина, Франко, Шолом-Алейхема — писателей, неоднократно бывавших и продолжи-

тельное время живших в Одессе. Память этих и ряда других гениев русской и мировой литературы увековечена в одном замечательном одесском Литературном музее. А отдельный музей Пушкина, равно как и отдельный музей Паустовского в этом городе есть. С Александром Сергеевичем, надеюсь, и так все понятно, а вот о причинах такой особой, искренней и горячей любви одесситов к Константину Георгиевичу давайте поговорим подробнее.

Прежде всего, скажем о том, что эта любовь глубоко взаимная. Одесса была горячо любимым городом Паустовского, сыгравшим в его судьбе и в формировании и развитии его творческой личности очень важную роль.

Для родившегося в Москве и росшего в Киеве юного будущего писателя Одесса в 1902 году стала первым ярким морским впечатлением, и, по собственному признанию писателя, первым толчком к литературному творчеству. «...Десятилетним мальчиком я впервые увидел Черное море в Одессе. Оно показалось мне прохладной синей тучей. Живая синева шумела у берегов из красной раскаленной глины, качала паруса и ржавые пароходы. С тех пор до самых зрелых лет, встречаясь с

К. Паустовский

морем, я не мог избавиться от чувства таинственного. Оно вызывало волнение и требовало слов», — вспоминает Паустовский в статье о рождении своей повести «Черное море», а в повести «Начало неведомого века» мы находим продолжение этой мысли: «Тогда в Одессе мной завладела мысль о том, чтобы провести всю жизнь в странствиях, чтобы сколько бы мне ни было отпущено жизни — много или мало, — но прожить ее с ощущением постоянной новизны, чтобы написать об этом много книг со всей силой, на какую я способен, и подарить эти книги, подарить всю землю со всеми ее заманчивыми уголками — юной, но еще не встреченной женщине, чье присутствие превратит мои дни и годы в сплошной поток радости и боли, в счастье сдержанных слез перед красотой мира — того мира, каким он должен быть всегда, но каким редко бывает в действительности».

Судьбе было угодно приводить Паустовского в Одессу еще неоднократно, в разные годы и в разных обстоятельствах. В юношестве, еще до рево-

люции 1917 года, он имел возможность несколько раз приезжать из Киева в Одессу с отцом, благодаря тому, что Георгию Максимовичу как железнодорожнику предоставлялись бесплатные билеты. Отблеск впечатлений от Одессы тех лет мы встречаем в книге «Золотая роза», на страницах, посвященных коллеге и другу, одесситу Юрию Олеше: «Он вырос здесь и жил, когда Одесса крутилась целые сутки, как карусель. Все скакало перед глазами: пароходы, уточкины, шикарные женщины, налетчики, итальянские примадонны, знаменитые доктора и скрипачи».

С Одессой в том числе были связаны и юношеские мысли Паустовского о выборе жизненной стези: в одном из писем писателя есть воспоминание о юношеском намерении учиться в Одессе на штурмана дальнего плавания.

Забегая вперед, скажем, что волею судеб Одесса возникла в судьбе писателя и при страшных обстоятельствах гитлеровского вторжения в 1941 году. В первые месяцы Великой Отечественной Паустовский работал военным корреспондентом ТАСС на Южном фронте, был свидетелем и летописцем героической 73-дневной обороны города. Зафиксированные писателем суровые мгновения одесской военной жизни временами пробирают до дрожи — чего стоит хотя бы такое описание последствий бомбардировки города: «Около оперного театра лежала вырванная с корнями акация. Корни ее застряли на втором этаже, зацепившись за решетку балкона. Около подъезда стояла карета скорой помощи. С подоконника на втором этаже медленно капала на тротуар очень яркая кровь». Или такое скорбное наблюдение: «Война принесла с собой “новый воздух”, жесткий, пустой, похожий на жидкий нитроглицерин. Запах его напоминал гарь, смешенную с пронзительным лекарством... Должно быть, от этого чуждого воздуха, от вымерших улиц и дождевой сырости я чувствовал совершенное одиночество, будто приехал в обезлюдевший город». Но в воспоминаниях Паустовского о военной Одессе есть и свидетельства другого тона: «Во время Отечественной войны шумные и легкомысленные одесситы, любители песенок, те, кого еще недавно называли “жлобами”, спокойно и сурово, но с неизменными одесскими шуточками дрались за свой город с такой отвагой, самоотверженностью, что это поразило даже врагов». В числе наград писателя есть медаль «За оборону Одессы», правда, награжден ею он был посмертно, в 1995 году празднования 50-летия Победы.

В 50–60 годы уже состоявшийся и признанный писатель Паустовский неоднократно посещал Одессу. Так, в 1956 году он отправлялся отсюда в морской круиз по Европе на теплоходе

В редакции
газеты «Моряк».
К. Паустовский —
крайний слева

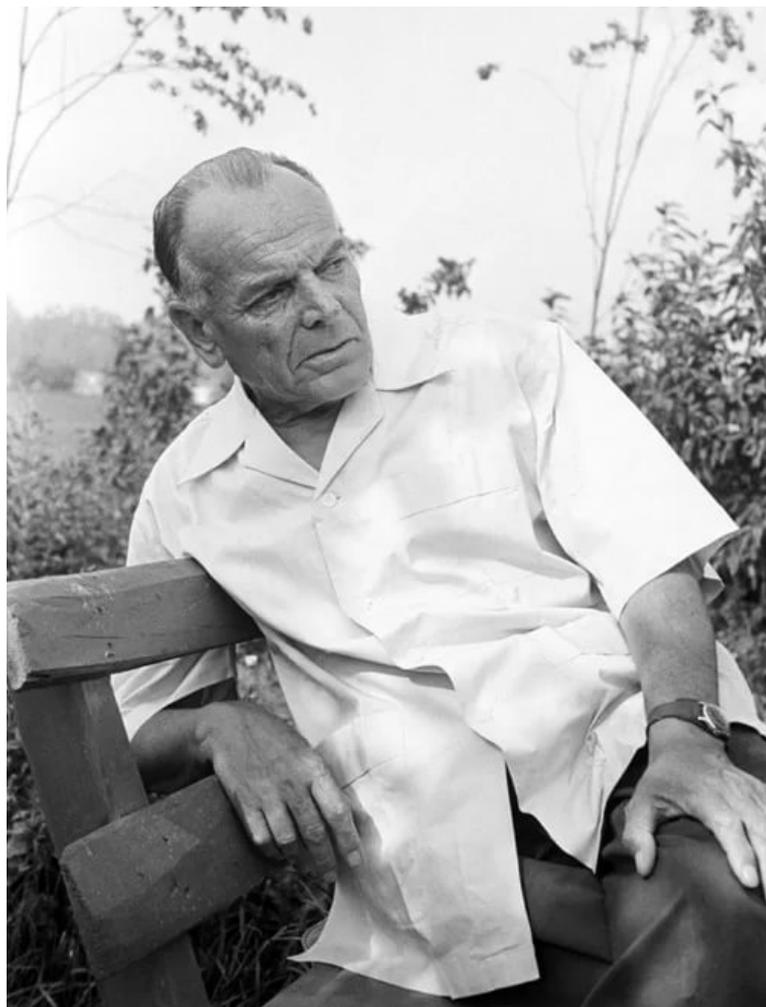
«Если одессит не читал «Время больших ожиданий» — значит, это не совсем одессит»: так говорят в этом городе об этой книге. Многие по праву считают эту повесть лучшим из всех когда-либо написанных произведений об Одессе».

«Победа». Ряд последующих визитов был связан с желанием отдохнуть на море и всласть половить ставриду и бычков в пригородной Санжейке (в одесском музее писателя до сих пор хранятся его удочки). И, конечно же, с работой над четвертой частью «Повести о жизни», носящей название «Время больших ожиданий».

Не погрешу против истины, если скажу, что целиком автобиографическую эпопею Паустовского прочли далеко не все одесситы. А вот отдельно ее четвертая часть «Время больших ожиданий» в культурной Одессе является книгой, строго обязательной к прочтению и перечитыванию. «Если одессит не читал «Время больших ожиданий» — значит, это не совсем одессит»: так говорят в этом городе об этой книге. Многие по праву считают эту повесть лучшим из всех когда-либо написанных произведений об Одессе. Если, по мнению составителей большинства кратких биографичес-

ких словарей, для всего остального мира имя Паустовского прежде всего ассоциируется с книгами «Кара-Бугаз», «Мещерская сторона», «Золотая роза» и «Повестью о жизни» в целом, то для одесситов — однозначно и конкретно: с «Временем больших ожиданий» — повестью, описывающей самый продолжительный одесский отрезок жизни автора, с 1919 по 1922 годы. (Точнее сказать, одесским событиям 1919 года посвящены финальные главы третьей части эпопеи — «Начало неведомого века», а действие повести «Время больших ожиданий» начинается в феврале 1920 года.)

Во «Времени больших ожиданий» Паустовским подробно, с замечательными остроумными подробностями описана его работа в информационном отделе одесского Опродкомгуба, а затем — его журналистские будни в газете «Моряк», встречи и беседы с одесситами различных профессий. Автором воссоздана тревожная атмосфера морской блокады города войсками Антанты, ставшей причиной больших бытовых и продовольственных проблем. Но главный посыл повествования — оптимизм, вера в лучшее, ожидание счастливых перемен. Отдельное восхищение вызывают великолепные, рожденные неповторимым литературным гением Паустовского описания одесских пейзажей: улиц, площадей, рынков, пляжей. Страницы повести пестрят зарисовками

и городской жизни, неповторимыми одесскими выражениями, анекдотами, байками. Но самое ценное — это яркие, лаконичные и выразительные литературные портреты коллег по перу — знаменитых писателей «одесской плеяды».

На первых же страницах повести читатель встречается с Ильей Ильфом. «В то время Илья Арнольдович Ильф еще не был писателем, а ходил по Одессе в потертой робе, со стремянкой и чинил электричество. С этой стремянкой на плече Ильф напоминал длинного и тощего трубочиста из андерсеновской сказки... Стоя на своей стремянке, поблескивая стеклами пенсне, Ильф зорко следил за всем, что происходило у его ног, в крикливых квартирах и учреждениях».

Ряд страниц посвящен Эдуарду Багрицкому: «Во время астмы Багрицкому нельзя было разговаривать. Но ему хотелось читать Блока, несмотря на стиснутое болезнью горло. И мы не отговаривали его... и случилось нечто вроде желанного чуда: от ритма стихов одышка у Багрицкого начала постепенно утихать, и сквозь нее все яснее и крепче проступал его мужественный и романтический голос... Лицо его высохло, похудело,

на беловато-лиловых губах как будто запеклась твердая корочка полынного сока, и весь он стал похож на большую всклокоченную птицу».

В качестве героев одесских баек на страницах повести появляются даже великие гении прошлого. Так, глава «Мнимая смерть художника Костанди» начинается с имени Антона Павловича Чехова:

«Чехов боялся одесских репортеров. Как известно, он неохотно делился своими литературными планами. Все разговоры об этом он заканчивал одной и той же просьбой:

— Только ради бога, не говорите об этом одесским репортерам.

Я еще застал несколько одесских репортеров из числа тех, кто нагоняли страх на Чехова».

А в главе «Прощай, моя Одесса, славный карантин!» перед читателем на мгновение возникает живой образ Александра Куприна:

«Ловенгард осторожно взял меня за локоть и сказал:

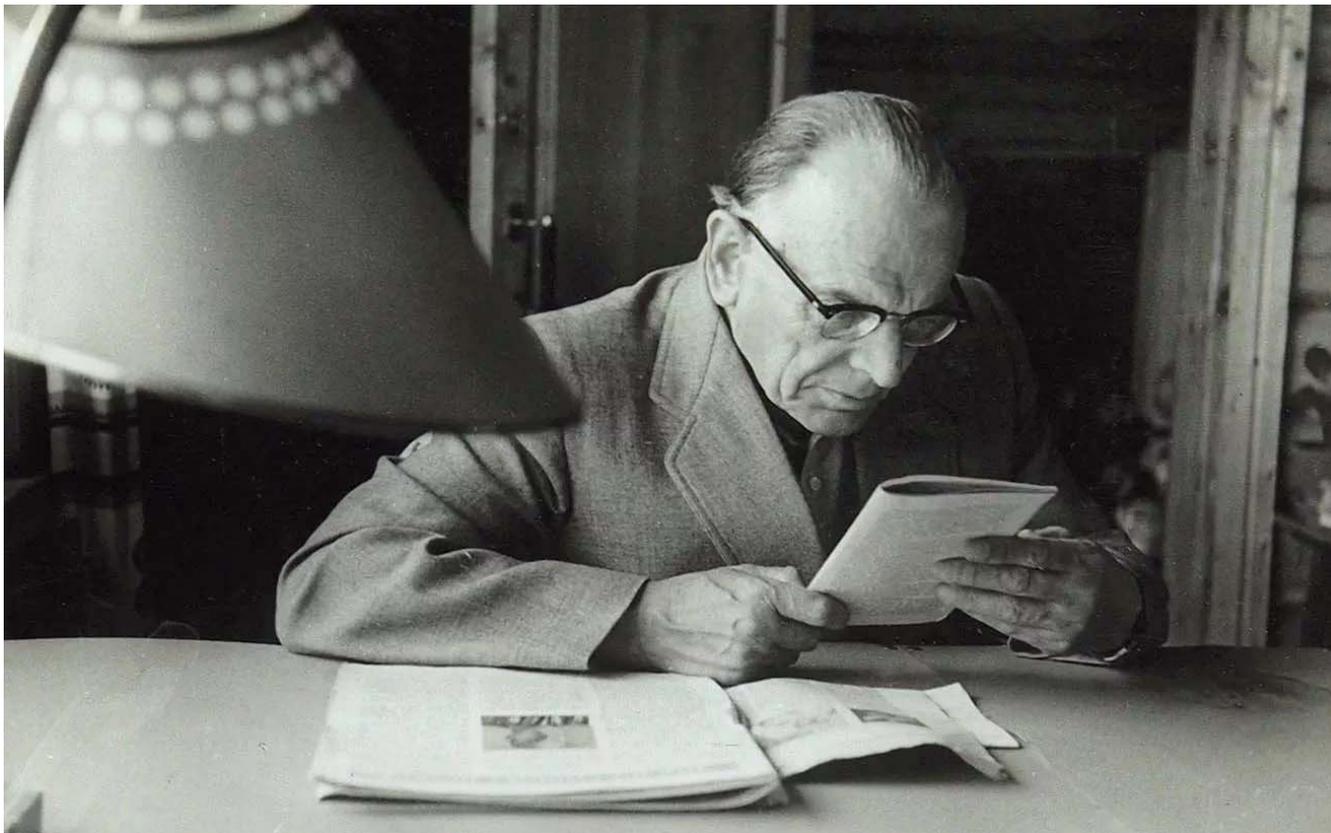
— Я первый привел Александра Ивановича Куприна в «Гамбринус». Он сидел, щурил монгольские глаза, пил водку и посмеивался. И вдруг через год вышел этот рассказ.

...Я не знал, что Ловенгард был знаком с Куприным, но с тех пор мне всегда казалось, что Куприн просто не успел написать о Ловенгарде».

Но главный герой-литератор в этой книге, писатель, которому Паустовский посвящает наибольшее количество страниц, — это Исаак Бабель.

«Я не встречал человека, внешне столь мало похожего на писателя, как Бабель. Сутулый, почти без шеи из-за наследственной одесской астмы, с утиным носом и морщинистым лбом, с маслянистым блеском маленьких глаз, он с первого взгляда не вызывал интереса. Его можно было принять за коммивояжера или маклера. Но, конечно, до той минуты, пока он не начинал говорить... Из нескольких замечаний и вопросов Бабеля я понял, что это человек неслыханно настойчивый, цепкий, желающий все видеть, не брезгующий никакими познаниями, внешне склонный к скепсису, даже к цинизму, а на деле верящий в навивную и добрую человеческую душу. Недаром Бабель любил повторять библейское изречение: «Сила жаждет, и только печаль утоляет сердца».

Повесть «Время больших ожиданий» сыграла колоссальную роль в судьбе литературного наследия Бабеля, в деле открытия его имени для массового читателя и его возвеличивания в истории литературной Одессы. Парадокс ситуации заключался в том, что в 60-х годах подавляющее большинство одесситов узнали и полюбили Бабеля именно как героя повести Паустовского, и лишь потом — как непосредственно писателя. Современный одесский писатель Валерий

Смирнов в своей спорной, но любопытной книге «Крошка Цахес Бабель» справедливо отмечает: «Благодаря Паустовскому Одесса приступила к канонизации писателя Бабеля еще до того, как весьма незначительная часть горожан познакомилась с его творчеством в середине шестидесятых, ибо вышедший в 1957 году в «Гослитиздате» томик «Избранного» Бабеля практически не дошел до Города. Тогда книги Бабеля были

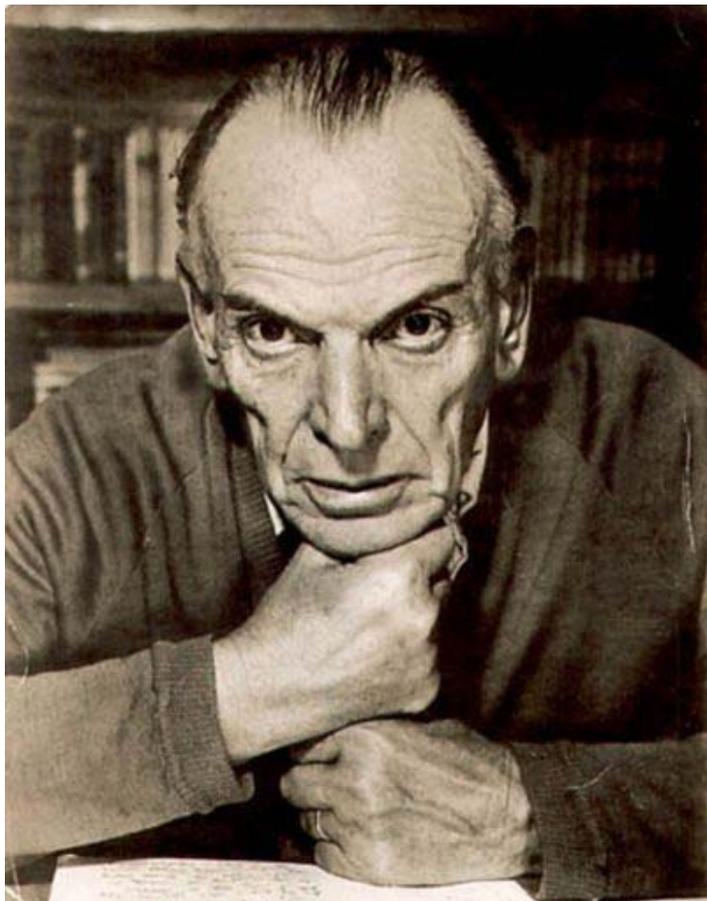
«Паустовский, подобно Дюма, повесил на реальный гвоздь сочиненную им картину. А потому на страницах его повести Бабель предстает пред нами фигурой чуть ли не вселенского масштаба».

изданы в Москве и Кемерово, но для широкого одесского читателя творчество Бабеля по-прежнему оставалось неизвестным. Впоследствии его снова будут публиковать, причем весьма обильно, лишь спустя тридцать лет. Еще не прочитав Бабеля, Одесса уже была готова не просто встретить его с распростертыми объятиями, но и объявить королем одесской литературы».

Это действительно так. Именно Паустовский воскресил имя Бабеля для Одессы. В его повести осознанно допущен анахронизм: Бабель образ-

ца 1921 года описывается как уже состоявшийся признанный авторитетный одесский автор, хотя в реальности этот статус он обрел лишь несколькими годами позже, а во время описываемых событий был еще практически никому не известным литератором. «Паустовский, подобно Дюма, повесил на реальный гвоздь сочиненную им картину. А потому на страницах его повести Бабель предстает пред нами фигурой чуть ли не вселенского масштаба», — пишет все тот же Валерий Смирнов. Да, это так. Сын писателя Вадим Константинович Паустовский комментирует эту особенность повести так: «Паустовский бывал в Одессе и общался с Бабелем и в последующие годы. Он сознательно объединил старые и новые впечатления, чтобы сделать воспоминания более полными». Так или иначе, но литературный портрет Исаака Бабеля во «Времени больших ожиданий» — это высокий образец жанра и неоценимый посмертный подарок Константина Паустовского одесскому коллеге.

Тем более, что цена этого подарка была достаточно высока: пробивая оконченную в 1958 году повесть в печать, Константин Георгиевич пережил немало неприятных минут, связанных с затронутой им темой личности Бабеля. Об этом в комментариях к одному из переизданий повести поведал Вадим Паустовский: «Первоначально ее предполагалось поместить в «Новом мире»,

о чем имелась договоренность с Твардовским, в то время главным редактором журнала. Но затем возникли разногласия, которые привели к обмену резкими письмами между редакцией и автором... В литературно-чиновничьих кругах к имени репрессированного и расстрелянного Бабеля продолжали относиться настороженно. Это подтвердила и придирка редакции «Нового мира», которая для отца оказалась совершенно

«Я благодарен Одессе за многое, — за ее жизнерадостность и веселье, даже в самых трудных обстоятельствах, за кипучесть ее жителей, за их мужество, доказанное последней войной, за их ребяческое любопытство и простодушие и за их впечатлительность. Одесса прекрасна».

неожиданной. В письме редколлегии журнала, подписанном Твардовским, высказывались сомнения не только по поводу значительности места, занимаемого во «Времени больших ожиданий» образом Бабеля, но и вообще по сути самой направленности вещи, не соответствующей определенным «советским стандартам». Паустовский потребовал вернуть ему рукопись. Об этом

узнал главный редактор «Октября» Панферов и предложил для публикации свой журнал».

Таким образом, в 1959 году повесть «Время больших ожиданий» опубликовал журнал «Октябрь». В 1960 году издательство «Советский писатель» выпустило ее отдельной книгой тиражом 30 000 экземпляров. Книгу раскупили сразу. Год спустя ее переиздало одесское издательство «Маяк» рекордным для тогдашней Одессы тиражом 100 000 экземпляров, который также был мгновенно раскуплен. Одесситы читали книгу взахлеб, передавали из рук в руки, записывались на нее в очередь в библиотеках. Последовало множество переизданий, общий тираж которых, наверное, уже приближается к миллиону, если не перевалил за него.

Восемь лет назад эта книга имела шанс обрести сценическую судьбу: в 2009 году Одесский академический русский драматический театр объявил о планах постановки спектакля «Время больших ожиданий». Инициатором проекта был директор театра Александр Копайгора, режиссер Алексей Гирба написал инсценировку повести и готовился приступить к репетициям. К сожалению, по ряду причин этот проект так и не был реализован.

Ну а имя русского писателя Константина Георгиевича Паустовского продолжает почитаться в Одессе, несмотря на все недавние политические катаклизмы. Благо, оберегом от активизировавшихся в стране русофобов служит факт украинского происхождения писателя, восходящего по отцовской линии к самому гетману Сагайдачному. Хотя сам Паустовский писал об этом так: «Отец посмеивался над своим «гетманским происхождением» и любил говорить, что наши деды и прадеды пахали землю и были самыми обыкновенными терпеливыми хлеборобами». Но писатель всегда искренне любил Украину и город своего детства Киев в частности, и посвятил этой любви немало замечательных страниц своих произведений.

В числе прочих раритетов, в Одесском Литературном музее хранится рукопись Паустовского «Новогодний привет», присланная им в Одессу за три года до ухода из жизни, в 1965 году. В ней подведен своеобразный итог его многолетней тесной связи с любимым морским городом: «Я благодарен Одессе за многое, — за ее жизнерадостность и веселье, даже в самых трудных обстоятельствах, за кипучесть ее жителей, за их мужество, доказанное последней войной, за их ребяческое любопытство и простодушие и за их впечатлительность. Одесса прекрасна. Каждый, кто ее покинул, испытывает тоску по ее акациям, ее говору, ее великолепному морю — родному и потому лучшему из всех морей. Я покинул Одессу давным-давно, но нет и дня, когда бы я ее не вспоминал, и почти нет ни одной моей повести, где бы ни чувствовалось дыхание этого удивительного города». **ИБ**